

В О С Т О К

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

К Н И Г А П Я Т Я

**„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1925 г. — ЛЕНИНГРАД**

живает сравнения с вышедшей двумя годами раньше блестящей работой Meillet, *Grammaire du vieux Perse*. Но автор и не ставил себе задачи дать новое исследование фактов древнеперсидского языка. Его книга — учебник, и это назначение она выполняет превосходно умелым расположением материала, ясностью изложения, хорошо подобранными примерами, отсутствием опечаток. Ею может пользоваться и ей доверяться и малоподготовленный читатель. Метод изложения — историко-сравнительный, облегчающий знакомому с его элементами усвоение фактического материала. Автор, повидимому, избегал сообщать данные из дальнейших стадий развития языка, и факты средне- и новоперсидского языка приводятся только спорадически. Их объяснения не всегда бесспорны. В древне-персидской грамматике уместно было бы сообщить больше сведений по иранской диалектологии, чем это сделано автором, уделявшим больше внимания элементам индо-европейской грамматики. Как это, к сожалению, нередко бывает с иностранными учеными, автору осталось неизвестным кое-что из того, что сделано в Петербурге. Ускользнуло от автора объяснение Залемана формы местоимения *i u a t*, которая до Залемана вопреки Авесте и санскриту считалась в др.-пер. форме мужского рода. Осталось автору также неизвестным, что кирманская пирамида находится ныне в Ленинграде, хотя об этом он мог узнать из работы Вейсбаха.

Этим исчерпываются почти все небольшие недостатки этого труда. Они не могут отнять у него упомянутых выше достоинств, которые делают его прекрасным, надежным учебником-справочником, — книгой, которая станет настольной в библиотеках специалистов иранистов и индо-европеистов.

А. Фрейман.

◆ *Arthur Christensen. Textes ossètes recueillis par... Avec un vocabulaire. (Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab. Historisk- filologiske Meddelelser. VI, 1). København, 1921. 143 стр. 8°. Кристенсен. Осетинские тексты.*

Минувшая мировая война, при всех сопровождавших ее ужасах, возбуждая националистические инстинкты, действовала тем не менее и в противоположном направлении. Огромные армии, состоящие из самых разнообразных народов, встречаясь на поле брани и в лагерях военнопленных, давали возможность представителям различных рас и языков знакомиться друг с другом и видеть во враге того же человека, брата. Наука сумела эти мрачные условия использо-

вать для себя. Западно-европейские ученые имели случай в лагерях ознакомиться с представителями восточных народов и изучать их быт и язык. В результате — ряд исследований, образчиком которых является рецензируемая книга Нескольких наших военнопленных осетин, интернированных в Германии, стосковавшись по родине, перебрались в Данию. Известный датский иранист А. Christensen использовал их пребывание в Дании в течение года, сделав наблюдения над осетинским языком и записав из их уст тексты.

Книга состоит из введения, текстов и осетинско-французского словаря. В введении сообщаются вкратце некоторые особенности осетинских говоров и впервые в научной литературе со слов известного германского ираниста Андреаса сведены в краткую систему данные осетинского ударения (по иронскому наречию). Эта система в общих чертах совпадает с теми выводами, которые недавно сделаны в России независимо от Андреаса.

Приведенные в книжке Кристенсена осетинские тексты расположены в следующем порядке: сначала даны тексты, переведенные с русского языка одним из упомянутых осетинских военнопленных, затем следуют сказки, записанные тем же по памяти, — перевод с дигорского, народные песни (с нотами), описание празднования нового года у осетин — все пробы пера того же пленного Огамбалата (Дулаева). Затем следуют записи осетинских фраз обиходного содержания и письма Огамбалата к Кристенсену и товарищам. Все осетинские тексты снабжены французским переводом. Словарчик тщательно составлен. Вся книжка производит очень выгодное впечатление, и от нее веет любовным отношением к предмету и к людям, послужившим внешним поводом к появлению ее в свет. Она принесет свою пользу в изучении осетинского языка на Западе.

А. Фрейман.

◆ *Б. Денике. Искусство Востока. Очерк истории мусульманского искусства. (С 11 фотографиями.) Стр. 250. 8°. Казань. Изд. Комбината Издательства и Печати А. Т. С. С. Р. 1923.*

Мусульманское искусство, совмещающее в своих разнообразных отраслях красоту форм и колорита, помимо сохранившихся до нашего времени памятников на местах, представлено в большинстве своих областей богатыми коллекциями в музеях и частных собраниях Западной Европы и С.С.С.Р. Уже за одно

это богатство оно заслуживает самого тщательного изучения. Действительно, в конце XIX в. деятельность в этом направлении усиливается, постепенно прогрессируя и в XX веке. В результате работы, на Западе появилась довольно обширная литература по отдельным вопросам мусульманского искусства, а также ряд общих исследований. Русская литература по мусульманскому искусству сравнительно небогата, между тем как интереснейшие памятники, находящиеся в пределах С.С.С.Р., в особенности зодчество Средней Азии и различные музейные коллекции, изученные мало или совершенно незатронутые, достойны, во всяком случае, не меньшего внимания. Поэтому нельзя не приветствовать первую попытку дать очерк истории мусульманского искусства на русском языке, которая, как и всякий первый опыт, может быть не вполне удачной.

Содержание книги Б. Денике распределяется между частями, посвященными миниатюре (гл. I—VIII, стр. 1—181), прикладному или декоративному искусству (стр. 182—237) и архитектуре (стр. 238—247). С первого же взгляда поражает непропорциональность отделов, которые, чем ближе к концу, становятся все более краткими. Автор в предисловии признается, что его симпатии по преимуществу склоняются к миниатюрам. Можно лишь пожалеть, что те субъективные условия, о которых он упоминает, повлекли за собой перевес одной части и умаление других. Главы I—II отведены вопросам происхождения мусульманского изобразительного искусства, его отношения к Корану и традиции, а также выяснению сложных влияний, на почве которых выросла ранняя мусульманская миниатюра. Служила она, главным образом, для иллюстрации излюбленных произведений, благодаря чему круг сюжетов сравнительно тесен. Глава III посвящена вопросам техники миниатюр. В следующих четырех главах дан обзор миниатюр, характерных для четырех главных групп: арабо-месопотамской, персидской, турецкой и индийской. Безусловно наиболее интересной и содержательной частью книги являются главы IV—VII. Автор много посвятил времени обозрению миниатюр как в оригиналах, так и в репродукциях. Поэтому, хотя содержание базируется в большинстве случаев на работах предшественников, главным образом, иностранцев, иногда Б. Денике дает сведения о новом, мало изученном или неизданном материале. К такому можно отнести, напр., миниатюры к „Макамам“ Харири в Азиатском Музее (гл. IV) или „Шах-Наме“

1332 г. Публичной Библиотеки (гл. V). Все иллюстрации этого отдела, сделанные фототипией, заимствованы из рукописей ленинградских хранилищ и опубликованы впервые. К сожалению, не все репродукции одинаково хороши. Таблица V, изображающая игру в поло, вышла значительно хуже, чем воспроизведенная по той же рукописи Публичной Библиотеки таблица I в статье Ф. Розенберга „Об индо-персидской и новоиндийской живописи“ (см. „Восток“, 1923, кн. 2). Особенно неудачна репродукция миниатюры из „Шах-Наме“, где общая чернота позволяет лишь угадывать подробности (табл. III). Глава VIII (стр. 173—177), ошибочно включенная в оглавлении в обзор индийских миниатюр, сообщает краткий очерк изучения мусульманской миниатюры и дает перечень главнейших иностранных и русских коллекций. Можно отметить, что в списке этом пропущено небольшое собрание бывшего Музея Штиглица, ныне Первого Флиаля Государственного Эрмитажа. К этому отделу книги присоединен список библиографии мусульманской миниатюры, не полный, как указано автором (стр. 175), по обстоятельствам времени. К сожалению, остались неупомянными некоторые полезные работы дореволюционного периода, как например, Vincent A. Smith, „A History of fine art in India and Ceylon“ (Оксфорд, 1911), где две главы посвящены миниатюре и архитектуре периода Моголов. Индии в работе Б. Денике, как мы увидим, вообще не очень посчастливилось.

Переходя к обзору мусульманского прикладного искусства (стр. 182—237), мы видим, что некоторые отрасли, как ткани, ковры, трактуются сравнительно подробно. Меньший объем отводится изделиям из металла, скульптуре, резьбе по дереву и керамике; резьбе по кости отведены всего два примера. Несколько отраслей прикладного искусства представлены только сухим перечнем в конце отдела. Здесь встречаем изделия из стекла, горного хрусталя, эмали, оружие и монеты. Переплетное искусство, как самостоятельная отрасль мусульманского прикладного искусства, не рассматривается совсем, и упомянуты лишь белгло лаковые переплеты (стр. 127), попутно с описанием персидских миниатюр блестящего сефевидского периода. Мозаика ранне-мусульманская упомянута один раз в 7 строках (стр. 8—9). С такой системой обзора, особенно в очерке общего характера, трудно согласиться. Точно так же неясно, почему автор пожелал исключить из круга мусульманского искусства три группы коврового

производства: восточно-туркестанскую, индийскую и китайскую. Трехтомный труд Werner Grote Hasenbalg'a — „Der Orientteppich“ автору известен, и он в данной главе им неоднократно пользуется, но Б. Денике игнорирует главы об индийских (стр. 184 — 188), китайских (стр. 189 — 201) и восточно-туркестанских (стр. 202 — 213) коврах. Между тем, состав населения Восточного Туркестана является мусульманским по преимуществу. Если неизвестны нам восточно-туркестанские ковры ранее XIX в., тем не менее данные Хазенбаальгом образцы (т. III, табл. 107 — 119) весьма интересны, а молитвенный ковер на табл. 112 в особенности (воспроизведен он ранее в изд. Oettingen, Meisterstücke orientalischer Knüpfkunst, Berlin). Тратовка орнамента в этих коврах обнаруживает значительное китайское, а отчасти, как, напр., увор некоторых бортов в коврах на табл. 107, 109, 111 и 116 — может быть и буддийское влияние, т. е. наследие Индии. Попутно можно указать, что этот мотив продолжает широко применяться в настоящее время, так как встречается на современных вышитых шалах из Кашмира. Поэтому все три названные выше группы не должны исключаться из круга исследования, тем более, что образцы коврового производства Индии сами по себе не лишены интереса. Отдельного списка библиографии по прикладному искусству Б. Денике не дает, ограничиваясь указаниями ее в тексте и примечаниях к нему.

Последняя часть очерка представляет лишь краткий конспект и библиографический указатель по архитектуре ислама, так как ей автор имеет в виду посвятить специальный труд. Разбита она на пять основных групп: сиро-египетскую, мавританскую, персидскую, турецкую и индийскую. Наибольший и, в сущности, единственный интерес здесь представляют три таблицы с памятников архитектуры, хорошо исполненные, из которых табл. X и XI — вид Черной палаты и минарета в Болгарах — появляются впервые в истории мусульманской архитектуры.

По внешности книжка производит приятное впечатление, но, к сожалению, текст пестрит множеством опечаток. Нужно отметить общую небрежность стиля, транскрипций восточных имен и географических названий; например, город Васит систематически называется Вазит, аль-Джахиз (стр. 14) назван Аль-Джабизи; герой „Макам“ Харири из Абу Зейда стал Абу Сеидом (стр. 36). Пример для характеристики орнаментики Египта XIV — XV в. неудачен, так как

надписи медальонов „курси“ (подставка для Корана) Калауна как раз не куфические (ср. Migeon, Manuel d'art musulman, t. II, fig. 161). В некоторых случаях Б. Денике следует за ошибками своих источников. Как один из примеров, можно указать стр. 232, где говорится о двери из мечети султана Хакима X в., которая, в сущности, только носит его имя, а происходит из мечети аль-Азхар (ср. Migeon, о. с. стр. 92).

Несмотря на все недочеты, работа Б. Денике сохраняет значение для русских читателей, давая возможность не владеющим иностранными языками познакомиться с материалом и литературой по данному вопросу. Несомненный интерес представляют издаваемые впервые иллюстрации.

В. Крачковская.

◆ *Орбели, И. А.* Мусульманские изразцы. Очерк. (Государственный Эрмитаж.) Петербург. 1923. 8^о, стр. 27.

2 декабря 1923 г. состоялось открытие бывшего собрания Музея Штиглица, перешедшего в ведение Государственного Эрмитажа. Для всех, кто интересуется искусством вообще, а искусством мусульманского востока в особенности, день этот приобретает большое значение, так как стали доступными обозрению ценные и интересные коллекции музея, несколько редких экземпляров из которых уже давно опубликованы в работах по истории мусульманского искусства. Отмечено открытие музея было торжеством именно мусульманского искусства — выставкой мусульманских изразцов, над устройством которой немало поработал энергичный хранитель Эрмитажа И. А. Орбели. К этому дню им был выпущен небольшой очерк „Мусульманские изразцы“. Не являясь формально путешителем по выставке и не будучи снабжен номерами, очерк дает характеристику главнейших типов изразцов, с указанием их декоративного и конструктивного значения, способов применения и отмечает особую важность изучения датированных изразцов. При чтении его строк перед глазами встает сложная история возникновения изразцового производства, очень поучительные примеры которого демонстрировались на выставке. Широка кругозора, прекрасное знакомство с искусством Передней Азии, позволяет И. А. Орбели вскрыть некоторые, до сих пор не освещенные, моменты в развитии этой отрасли прикладного искусства. В данном случае чрезвычайно существенной для выяснения генезиса некоторых способов применения изразцов оказалась Армения, а в особенности памятники Ани, — факт, на который на